

Н. И. Костомаров

Бунт Стеньки Разина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Костомаров**
Бунт Стеньки Разина / Н. И. Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2016. –
239 с.

ISBN 978-5-517-99445-5

Бунт Стеньки Разина. Сочинение Николая Костомарова. Издание второе,
дополненное.

ISBN 978-5-517-99445-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мою вѣчь, формою, которая въ однихъ мѣстахъ созрѣла, въ другихъ не созрѣла, смотря по обстоятельствамъ; перевѣсъ обычая надъ постановленіемъ, побужденія надъ закономъ, личной свободы надъ повинностью, общинности надъ единичностью власти, воли живаго народа надъ учрежденіемъ; вольница, движеніе, броженіе, кочеванье и потому безладца и непрочность.

Напротивъ, признаки единодержавія были таковы: всѣ народныя интересы сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, которое становится апотеозомъ страны и народа, и потому личность его пріобрѣтаетъ святое значеніе; исчезаетъ бытіе отдѣльныхъ частей; уничтожается народоправленіе; все стремится къ единообразію; преобразование обычая въ постановленіе, сознанія въ букву закона, перевѣсъ повинности надъ личною свободою, старѣйшинства надъ общинностью, стремленіе къ осѣдлости, установкѣ и покою.

Въ борьбѣ этихъ двухъ укладовъ русскаго быта: удѣльно-вѣчеваго и единодержавнаго — вся подноготная нашего стараго дѣписанія. Начала единодержавія со всѣми исчисленными признаками не должно искать въ средней нашей исторіи; оно восходитъ до глубокой древности, до эпохи призванія князей. Уже существованіе княжескаго достоинства показываетъ зародышъ единодержавія. Въ XIV вѣкѣ, утвердившись на московской почвѣ, оно вступило въ открытую и упорную борьбу съ старымъ противникомъ,

истощеннымъ отъ внутреннихъ надрывовъ и устарѣвшимъ отъ лѣтъ и бѣдъ, шагъ за шагомъ брало надъ нимъ верхъ и торжествовало свой перевѣсъ освобожденіемъ страны отъ иноплеменнаго господства и созданиемъ монархическаго государства съ зачатками политическаго могущества. Побѣда достигла высшей степени при Іоаннѣ IV; но этотъ борецъ—побѣдитель, празднуя свое преобладаніе надъ врагомъ и кознями князей и бояръ, претендентовъ удѣльности, и бойнею въ Новѣгородѣ, еще вспоминая о своемъ вѣчѣ, въ то же время подавалъ избитому, истерзанному врагу руку на мировую учрежденіемъ общинныхъ властей, самоуправою посадовъ и уѣздовъ, созваніемъ земской думы, повидимому вступавшей въ права всѣхъ вѣчъ вмѣстѣ, уже не для какого—нибудь города или земли, а для цѣлой русской державы, и наконецъ своимъ духовнымъ завѣщаніемъ, гдѣ онъ сыну Фодору давалъ независимый удѣлъ. Хорошо, что у Іоанна остался только одинъ сынъ: еслибъ ихъ было нѣсколько, у насъ бы воскресла удѣльность. Оживающій врагъ избралъ тогда на югѣ Россіи уголокъ, гдѣ могъ, оправившись, не только давать отпоръ своему торжествующему сопернику, но и вторгаться въ завоеванные имъ предѣлы. Старое удѣльно—вѣчевое начало Руси облеклось теперь въ новый образъ — то было казачество. Въ лицѣ Ермака оно показало Грозному,

чего можно ожидать отъ него. Между-тѣмъ, по смерти Грознаго, явился въ Москвѣ новый борецъ единодержавія — Борисъ Годуновъ. Онъ нанесъ старому врагу новыя раны введеніемъ кабаковъ и крѣпостнаго права. За-то и старый врагъ отмстилъ этому борцу: онъ ниспровергъ его тронъ, ворвавшись въ Россію въ образѣ казачества, покрылъ ее развалинами и кровью, повелъ Русь до ограниченнаго избранія Владислава, до соединенія съ Польшею, до полугодичнаго правленія посредствомъ земскаго собора... Далѣе идти онъ не могъ: у него не хватало силъ, когда дѣло шло объ устоятѣ на зоеванномъ полѣ; единодержавіе опять взяло надъ нимъ верхъ избраніемъ Михаила Ѳедоровича, но принуждено было купить свое торжество значительными уступками старому врагу, который показывалъ громко, что онъ еще не при послѣднемъ издыханіи, а долженъ признать себя побѣжденнымъ только отъ неумѣнья продолжать войну. Вражда между ними, однако, была на-смерть и не могла окончиться какими-нибудь взаимными уступками. Едва торжествующая теперь сторона укрѣпилась, какъ тотчасъ же начала уничтожать всѣ уступки, данныя во время тяжелой битвы; она вытѣсняла вліяніе противника и усиленіемъ власти воеводъ, и составленіемъ уложенія, и строжайшимъ укрѣпленіемъ крестьянъ, и образованіемъ регулярнаго войска. Старый врагъ, между-тѣмъ, казалось,

болѣе-и-болѣе молодѣлъ въ своей казацкой одеждѣ. Нѣсколько разъ соперники подавали другъ другу руку, сохраняя въ душѣ злобу, бросали одинъ другому ласковыя увѣренія, думая, какъ бы уничтожить одинъ другаго съ корнемъ и съ заводомъ; наконецъ, улучивъ удобное время, побѣжденный столько разъ старикъ отважился на открытый бой. Сталъ у него боецъ Стенька Разинъ.

II.

Казачество возникло тогда, когда удѣльная стихія падала подъ торжествомъ единой державы; оно было противодѣйствіемъ стараго новому. Ряды казачества наполнялись невольными новымъ составомъ, тѣми, кто не уживался въ обществѣ, для кого не по натурѣ были его узы. Русскій міръ былъ уже раздѣленъ на два государства — Москву и Литву; въ обѣихъ половинахъ явилось казачество. Тогда-какъ въ Южной Руси заложилось славное Запорожье и разлило изъ себя духъ казачества по всей Украинѣ, одинакія событія произвели наплывъ народа съ сѣвера на Донъ. Украина подала помощь этому обществу и населяла берега Дона своими дѣтьми. Какъ ни темна первая исторія донскаго казачества, но что молороссійская народность участвовала въ его закладкѣ и воспитаніи, это, лучше всякихъ исто-

рическихъ памятниковъ, до казываетъ нынѣшній языкъ донскихъ казаковъ: среднее нарѣчіе между малоросійскимъ и великорусскимъ языками. Отсюда казачество охватило берега Волги, Терека, Яика и проникло въ далекую Сибирь.

До эпохи самозванцевъ, казачество, повидимому, готовилось образовать отдѣльное общество въ русскихъ южныхъ краяхъ и хотѣло только укрыться съ своею независимостью отъ сѣвернаго единовластія; но, вмѣшавшись въ дѣла Московіи въ началѣ XVII вѣка, оно вошло въ неразрывную связь съ нею и уже не ограничивалось тѣмъ, чтобъ засѣсть съ своими началами въ южныхъ степяхъ, а стремилось распространить эти начала по всей русской землѣ.

Съ этого времени повсюду являются казаки. Правительство, желая установить это броженіе, допустило существованіе казачества внутри державы въ видѣ особаго военнаго сословія, наравнѣ съ стрѣльцами, пушкарями и воротниками. Оно употреблялось преимущественно тамъ, гдѣ нужно легкое наѣздническое военное дѣйствіе, въ особенности для передачи вѣстей отъ одного города до другаго и для конвоевъ. Другіе, которые въ смутныя времена начала XVII вѣка составляли казацкія шайки, были обрабаемы въ тягловыя сословія, въ посадскіе, въ крестьяне, отдаваемы владѣльцамъ, отъ которыхъ убѣждали, — словомъ, возвращаемы къ тому гражданско-

му званію, въ какомъ были прежде и они сами и отцы ихъ. Отвѣдавъ вольницы время самозванцевъ, многіе уже не уживались на родинѣ, бѣгали, шатались, составляли шайки, называли себя казаками и передавали эти привычки слѣдующему за собою поколѣнію. Такимъ-образомъ казаки въ глазахъ правительства раздѣлялись на вѣрныхъ или признанныхъ властью, и воровскихъ, самозванныхъ казаковъ. Вольный тихій Донъ былъ центромъ казачества. Долго независимый, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича онъ призналъ власть московскаго царя. Въ 1634 году казаки присягнули на вѣрность и обѣщались не нарушать порядка своими разбоями и нападеными на сосѣдей ⁽¹⁾. Обѣщаніе сохранялось плохо. Казаки продолжали свои набѣги и своевольства, и на Дону постоянно было двѣ партіи въ-отношеніи русскаго правительства: вѣрные, хотѣвшіе согласить свою вольность съ повновеніемъ верховной московской власти, и воровскіе, которые хотѣли дѣйствовать свободно и считали Донъ независимымъ и самоуправнымъ. Число воровскихъ было значительнѣе, потому-что малѣйшее неудовольствіе обращало въ ихъ ряды и тѣхъ, которые, при другихъ обстоятельствахъ, были вѣрными.

Первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича

(1) «Времен. И. М. О. Ист. и Др.», IV. Смѣсь. 54.

были заняты борьбою съ воровскими казаками, какъ назывались шайки бродягъ, нехотѣвшія повиноваться властямъ. Ужасны были эти люди. Въ 1615 году, разсыпавшись по всей московской Руси, и въ-особенности около Волги, близъ Углича, Кинешмы у Пошехонья, около Новгорода, въ Сѣверской Землѣ и украинскихъ городахъ, они грабили города и села и дѣлали надъ народомъ безчеловѣчныя истязанія. Ихъ ожесточеніе, при обычной тогдашней грубости нравовъ, становится понятнѣе, когда примемъ во вниманіе, что эти шайки были составлены изъ людей, оставившихъ свои прежнія повинности и теперь возвращаемыхъ къ нимъ снова насильно. Не желаніе каго-нибудь новаго порядка вещей увлекало эти толпы и внушало имъ ненависть къ прежнему житью, а охота шататься и быть тамъ, гдѣ показалось. Иной былъ прежде монастырскій, а жилъ теперь въ дворянскомъ имѣніи — его отыскивали и возвращали въ монастырское ⁽²⁾. Другой былъ холопъ, убѣжалъ отъ своего господина и отдался иному господину въ холопи, а его хотѣли воротить къ прежнему ⁽³⁾. Имъ хотѣлось свободно переходить отъ одного существующаго положенія къ другому существующему; новаго, своеобразнаго они не могли выдумать кромѣ ка-

⁽²⁾ «Акты Арх. экспед.», 82. 303.

⁽³⁾ Уло.к. гл. XX, § 56.

зацкаго, которое, съ извѣстной точки зрѣнія, было то же, что разбойничье. Въ первые годы Михаила Федоровича, князь Лыковъ разбивалъ такія шайки нѣсколько разъ: подъ Балахною, подъ Симовымъ монастыремъ, куда онѣ пришли какъ-будто съ повинною, а въ-самомъ-дѣлѣ для буйства; потомъ на рѣкѣ Калужѣ, гдѣ былъ повѣшенъ знаменитый атаманъ Боловня, и откуда множество его товарищей отправлено въ тюрьму. Преслѣдуемые и поражаемые, одни сдавались на милость превительства, а другіе удалялись изъ жилыхъ мѣстъ въ низовья Волги, и одна изъ такихъ шаекъ, подъ начальствомъ Калбака, установилась близъ Каспійскаго моря и наносила страхъ плававшимъ по немъ судамъ.

На берегахъ Волги существовало тогда казачество какъ отдѣльное общество. Исторія его неизвѣстна. Мы знаемъ о существованіи волжскихъ казаковъ въ смутныя времена: они поддерживали Заруцкаго. Во время войны поляковъ съ турками подъ Хотиномъ, когда запорожцы оказали столь дѣятельное участіе, пришло двадцать тысячъ волжскихъ казаковъ на помощь христіанамъ противъ нѣверныхъ. Они явились поздно, когда было дѣло уже кончено, но ихъ намѣреніе не осталось безъ награды (*). Королевичъ Владиславъ отпустилъ ихъ съ подарками. Это извѣстіе, пе-

(*) «Лѣтоп. Сам. Величка», 1 прилож. стр. 24.

редававаемое южнорусскими лѣтописцами, важно: открывая значительность народонаселенія въ волжскомъ краѣ, оно указываетъ на связь, существовавшую между всѣми вообще казаками; когда малороссійскіе казаки пошли помогать Польшѣ, сочувствіе къ дѣлу отозвалось въ такомъ отдаленномъ краю, какъ низовые берега Волги. Когда Олеарій плывъ по Волгѣ съ голштинскимъ посольствомъ, по берегамъ Волги, отъ устья Камы внизъ, блуждали казаки и были страхомъ для пловцовъ, потому—что нападали на суда. Впрочемъ, тѣ были не одни жившіе по Волгѣ: тамъ шатались для разбоевъ и съ Дона, и съ Яика, и со всѣхъ странъ русскаго міра. Волга, главный торговый путь, привлекала ихъ удальство. Въ 1621 году они ограбили караванъ судовъ, и это подало поводъ къ основанію города Чернаго Яра. Въ 1654 году казаки напали на нижнеяпцкій учугъ, принадлежавшій гостю Гурьеву, разорили его и перамашили въ свои ряды рабочихъ ⁽⁵⁾: въ простонародіи было къ нимъ сочувствіе. Волга, на всемъ ея неизмѣримомъ протяженіи, была поприщемъ воровскихъ казаковъ. Ихъ дѣянія воспѣвались въ пѣсняхъ; къ нимъ относятся разнообразныя преданія; ихъ образъ въ народномъ воображеніи сохраняется съ марами (курманами) и городищами, усѣвающими при-

⁽⁵⁾ Доп. V, 223.

воложскія степи. Воровскіе казаки не были въ глазахъ простонародья простыми разбойниками, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; правда, они нападали на суда, на людей, грабили ихъ, убивали, но, по обширному кругу, въ которомъ хотѣла выразиться ихъ дѣятельность, названіе разбойниковъ для нихъ недостаточно. Сами они говорятъ въ своихъ пѣсняхъ: «мы не воры, не разбойники — мы удалые добры молодцы». Это были люди, выскочившіе изъ круга гражданскаго быта, невошедшіе въ другой и неознававшіе опредѣленной цѣли. Народъ сочувствовалъ удалымъ молодцамъ, хотя часто терпѣлъ отъ нихъ; самыя поэтическія великорусскія пѣсни — тѣ, гдѣ воспѣваются ихъ подвиги; въ воображеніи народномъ удалый добрый молодецъ остался идеаломъ силы и мужской красоты, какъ герой Греціи, рыцарь запада, юнакъ Сербіи. Слово «удалый молодецъ» значило у насъ героя, а между-тѣмъ оно смѣшалось съ значеніемъ разбойниковъ.

И такъ, въ половинѣ XVII вѣка казачество охватывало болѣе чѣмъ пол-Руси, а народное недовольство гражданскимъ порядкомъ давало ему пищу и силы: въ казачествѣ воскресали старыя, полуугасшія стихіи вѣчевой вольницы: въ немъ старорусскій міръ оканчивалъ свою борьбу съ единодержавіемъ. Когда власть хотѣла подчинить казаковъ порядку и закону, воровское казачество хотѣло разлить по всей Руси про-